

ЯЗЫК И СТИЛЬ СОВЕТСКИХ КОНСТИТУЦИЙ

Аннотация. В статье проанализированы особенности стилистики и языка конституций на историческом материале — текстах конституций советского периода. Обосновывается тезис о выделении в рамках законодательной стилистики конституционного подстиля. Для него характерно сочетание признаков литературно-художественного произведения и юридического документа. Выдвинут и обоснован тезис о том, что конституционные тексты могут рассматриваться также в качестве актов политической коммуникации.

Ключевые слова: конституция, право, юридическая техника, закон, лексика, стиль, советский, политика, конституционное право, нормативный акт.

DOI: 10.17803/2311-5998.2019.61.9.087-096

N. E. TAEVA,

Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
tayeva@mail.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

THE LANGUAGE AND STYLE OF SOVIET CONSTITUTIONS

Abstract. The article analyzes the peculiarities of stylistics and language of constitutions on the historical material — the texts of constitutions of the Soviet period. The thesis about the allocation of the constitutional sub-style within the framework of legislative stylistics is substantiated. It is characterized by a combination of features of a literary and artistic work and a legal document. The thesis that the constitutional texts can be considered also as acts of political communication is put forward and proved.

Keywords: constitution, law, legal technique, law, vocabulary, style, soviet, politics, constitutional law, normative act.

**Наталья Евгеньевна
ТАЕВА,**

доцент кафедры
конституционного
и муниципального права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических
наук, доцент
tayeva@mail.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Исторический метод и проблемы его использования занимали значительное место в трудах Владимира Ивановича Фадеева. Особое внимание историческому методу, с точки зрения ученого, необходимо уделять в науке конституционного права. В своих статьях и монографиях ученый неизменно обращался к историческим текстам, ранее действовавшим нормативным актам, трудам историков. В. И. Фадеев справедливо отмечал, что конституционное (государственное) право относится к тем учебным дисциплинам, которые в первую очередь формируют мировоззрение будущего юриста, что требует внимания

© Н. Е. Таева, 2019

к истории, традициям. Ученый подвергал критике небрежное отношение к истории, историческим фактам и выводам, считал, что всегда необходимо обращаться не к «готовым выводам» (и «работать с чужого голоса»), а непосредственно к источнику¹.

Следуя этим мыслям Владимира Ивановича, автор в настоящей статье проанализировал тексты конституций советского периода, что дает возможность на историческом материале выделить специфику стиля и языка этих нормативных актов. Оговоримся, что в рамках настоящей работы мы будем анализировать тексты писанных кодифицированных конституций. Первые дни советской власти оформлялись декретами, которые, безусловно, являлись актами конституционного значения, закрепляли переход всей власти в руки пролетариата и беднейшего крестьянства и до появления Конституции РСФСР 1918 г. в своей совокупности составляли неписаную конституцию зарождавшегося Советского государства².

Стиль юридических документов, как правило, считают разновидностью литературного и относят к официально-деловому. В работах известного правоведа А. А. Ушакова, по сути, впервые было предложено говорить об особом направлении языкознания — законодательной стилистике³. А. А. Ушаковым была выдвинута идея рассмотрения нормативного акта как особого вида литературного произведения, имеющего свои стилистические особенности, свою композицию, свой сюжет. Ученого по праву считают основателем отечественной правовой лингвистики. Впоследствии интерес к проблематике языка закона в научной среде все более возрастает. Появляются работы таких ученых, как Н. А. Власенко, А. С. Пиголкин, В. М. Баранов, Т. В. Губаева, Т. В. Кашанина, М. Л. Давыдова и др.⁴

Между тем следует отметить, что концепция А. А. Ушакова не получила однозначного признания. У нее нашлось много противников. В первую очередь автора критиковали за механический перенос различных параметров стиля литературно-художественного произведения на нормативные акты⁵. Поддерживая идею А. А. Ушакова о выделении в стилистике особого законодательного стиля, выдвинем предположение, что конституционный стиль и язык обладают такой спецификой, которая позволяет говорить об особом конституционном стиле.

Отличия нормативного акта с точки зрения стилистики от литературно-художественного произведения очевидны. Его специфика обусловлена той сферой жизни

¹ *Фадеев В. И.* Исторический метод и проблемы его использования в науке конституционного права // Сборник, посвященный памяти Владимира Фадеева : в 2 т. М., 2015. Т. 1. С. 519.

² *Авакьян С. А.* Конституция России: природа, эволюция, современность. 2-е изд. М., 2000. С. 46—47.

³ *Ушаков А. А.* Очерки советской законодательной стилистики: содержание и форма в праве и проблема законодательной стилистики : учебное пособие. Пермь, 1967. Ч. 1. 206 с.

⁴ См.: *Власенко Н. А.* Язык права. Иркутск, 1997 ; *Губаева Т. В.* Язык и право. М., 2010 ; Закон: создание и толкование / под ред. А. С. Пиголкина. М., 1998 ; Язык закона / под ред. А. С. Пиголкина. М., 1990 ; *Кашанина Т. В.* Юридическая техника : учебник. М., 2007 ; Юридическая техника : курс лекций / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород, 2015 ; *Давыдова М. Л.* Юридическая техника. Общая часть : учебник. М., 2014.

⁵ *Давыдова М. Л.* Указ. соч. С. 80—81.

общества, в которой действует язык права. «Правовой акт, — пишет Т. В. Кашанина, — обращается в первую очередь не к чувствам и воображению человека, а к его воле и разуму и властно предписывает определенное поведение»⁶. Она выделяет такие особенности языка юридического документа, как ясность, точность, краткость и доступность, отсутствие пафосности и декларативности. В отличие от юридического документа, текст художественного произведения характеризуется красочностью, образностью, использованием всевозможных выразительных средств языка. Его задача — воздействовать на воображение, передать определенное эмоциональное состояние, вызвать конкретные чувства.

В литературном произведении допустима и пафосность, и декларативность, он не требует краткости и лаконичности; в нем используется не специальная юридическая терминология, а общеупотребительные, понятные всем слова. Собственно само по себе выделение законодательного (либо официально-документального) и литературно-художественного стиля связано с их функциональным предназначением. Законодательный стиль как разновидность официально-документального в языке выполняет функцию сообщения, в то время как художественный стиль осуществляет функцию воздействия⁷.

Язык советских конституций противоречив. Его нельзя с точки зрения стилистики в полной мере отнести к точным, лаконичным, лишенным эмоциональности и декларативности законодательным текстам. Для конституций советского периода характерно переплетение стиля литературно-художественного произведения и стиля юридического документа. Можно даже сказать, что они в какой-то степени конкурируют, конфликтуют между собой. Особенно ярко это проявлялось в тексте первой советской Конституции. В Конституции РСФСР 1918 г.⁸ употребляются выражения, вообще не свойственные законодательному стилю, но вполне допустимые в литературно-художественном произведении. Например: «этот основной закон вступает в действие с момента его опубликования» (преамбула); «эти автономные областные союзы входят на началах федерации в российскую социалистическую Федеративную советскую республику» (ст. 11); «вся власть в центре и на местах принадлежит этим советам» (ст. 1). Употребляются выражения «до сих пор» вместо «до настоящего времени»; «неправильность» вместо «признания недействительным» (например, в ст. 76 закреплено «в случае неправильности выборов в целом вопрос об отмене выборов разрешается высшим по порядку органом советской власти»⁹); «конструкция советской власти» (разд. 3), съезд созывается «по собственному почину» (ст. 27). «Проведение в жизнь», «принятие всех мер», «разрешение всех вопросов» — такие формулировки используются в перечне предметов ведения органов советской власти на местах (ст. 61); ВЦИК советов «объединяет и согласует работы» (ст. 32).

⁶ Кашанина Т. В. Юридическая техника. М., 2007. С. 119.

⁷ Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / Акад. наук СССР. Отд-ние литературы и языка. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. С. 5—6.

⁸ Здесь и далее тексты советских конституций приводятся в первоначальной редакции. Источник: Constitution.garant.ru.

⁹ Данный пример см.: Фролова О. Е. Конституция РСФСР 1918 г.: лингвистический портрет текста // Известия УрФУ. Серия 2: Гуманитарные науки. 2018. Т. 20. № 3 (178). С. 40.

К проявлениям литературно-художественного стиля может быть отнесен текст первого раздела Конституции СССР 1924 г., включивший Декларацию об образовании Союза Советских Социалистических Республик. Этот текст, на наш взгляд, вообще лишен признаков юридического документа. Здесь мы встречаем обороты: «обстоятельства повелительно требуют», «на протяжении десятков лет», «годы войны не прошли бесследно». Однако в целом в Конституции СССР 1924 г. с точки зрения стилистики преобладает язык закона. Это лаконичный текст юридического документа, хоть в нем и встречаются не вполне юридические обороты. Например, Президиум ЦИК «наблюдает за проведением в жизнь» (ст. 30); президиумы ЦИК «немедленно сообщают» (ст. 59).

Слов, относящихся к обыденным, общеупотребительным, характерным скорее для литературного, чем для законодательного текста, не лишены и Конституции СССР 1936 и 1977 гг., несмотря на то, что эти юридические документы значительно превосходят предыдущие с точки зрения юридической техники. В Конституции 1936 г. употребляются выражения: не просто развитие, а «широкое развитие социального страхования» (ст. 120); не просто сеть родильных домов, а «широкая сеть» (ст. 122); «бесплатное и бессрочное пользование, то есть навечно» (ст. 8); «живой и мертвый инвентарь» (ст. 7); в Конституции СССР 1977 г. — «агрессивные войны» и «всеобщее и полное разоружение» (ст. 28); «успешное выполнение» (ст. 51), «люди» вместо «граждане» (ст. 14, 27).

В целом, помимо развития юридической техники, использование в текстах конституций значительного числа общеупотребительных слов, литературно-художественных оборотов наряду со специальной юридической терминологией можно объяснить особой ролью, которую играют основные законы в регулировании общественных отношений. Тексты конституций должны быть понятны абсолютному большинству граждан. Во многом эта же цель достигалась и через такой прием, как детализация, создание казуистичных норм.

Юридическая техника конституций советского периода развивалась по пути от излишней детализации норм к более абстрактным формулировкам. Казуистичность, детализация формулировок — признак, который сохраняется во всех советских конституциях. Например, в ст. 15 Конституции РСФСР 1918 г. содержится норма, закрепляющая предоставление в распоряжение рабочего класса и крестьянской бедноты в целях обеспечения свободы собраний «всех пригодных для устройства народных собраний помещений с обстановкой, освещением и отоплением». В Конституции РСФСР 1925 г. формулировка аналогичной нормы иллюстрирует развитие юридической техники в сторону уменьшения детализации — «предоставляет в распоряжение рабочего класса и крестьянства все пригодные для устройства народных собраний помещения» (ст. 6). Однако в целом такая формулировка не должна трактоваться как недостаток юридической техники. Она введена абсолютно сознательно и должна была стать противовесом весьма урезанной формуле дореволюционного законодательства.

Статья 78 Свода Основных Государственных Законов, закреплявшая право на мирные собрания, «содержала конкретные ограничения, отсылая к специальному закону, определяющему условия, при которых могут происходить собрания», и допускала возможность закрытия собраний, не угодных властям путем «ограничения мест для собраний». Поэтому под предлогом «неподходящего места»

можно было разогнать любое собрание трудящихся¹⁰. Детализация в меньшей степени сохраняется и в Конституции СССР 1936 г. Она характерна для норм, закрепляющих права и обязанности граждан, а также гл. 1 об общественном устройстве. Законодатель пока не уходит от подробных перечней и не заменяет их на обобщенную формулировку, что делает конституционный текст более близким и понятным для рядовых граждан, не имеющих специальных юридических знаний.

Так, в ст. 7 содержался перечень имущества, которое могло находиться в личной собственности колхозного двора — «жилой дом, продуктивный скот, птица и мелкий сельскохозяйственный инвентарь». Согласно ст. 121 бесплатное «производственное, техническое и агрономическое обучение трудящихся» организуется «на заводах, в совхозах, машиннотракторных станциях и колхозах». В виде перечня сохраняется принцип закрепления гарантий свободы слова и мирных собраний, который мы наблюдали в текстах предыдущих конституций. «Эти права граждан обеспечиваются предоставлением трудящимся и их организациям типографий, запасов бумаги, общественных зданий, улиц, средств связи и других материальных условий, необходимых для их осуществления» (ст. 125).

Право на объединение закреплено через перечень организаций, в которые могут объединяться граждане СССР, — это «профессиональные союзы, кооперативные объединения, организации молодежи, спортивные и оборонные организации, культурные, технические и научные общества» (ст. 126).

В Конституции СССР 1977 г. значительно меньше таких казуистичных формулировок. Для сравнения: ст. 50, закрепляющая свободы собраний, слова, печати, устанавливает, что «осуществление этих политических свобод обеспечивается предоставлением трудящимся и их организациям общественных зданий, улиц и площадей, широким распространением информации, возможностью использования печати, телевидения и радио», т.е. вновь содержит перечень соответствующих объектов.

Одним из правил юридической техники является сведение к минимуму эмоционального воздействия закона, с тем чтобы его нормы воспринимались и исполнялись всеми гражданами единообразно. Вместе с тем специфика конституционных текстов, позволяющая нам говорить об особой конституционной стилистике, заключается в том, что в них зачастую употребляется терминология, которая несет на себе функцию эмоционального воздействия на граждан. В особенности это относится к текстам первых советских конституций, которые должны были восприниматься как лозунги для мобилизации масс.

Для этого используются разнообразные выразительные средства языка. Например, воинская повинность — это «почетное право» (ст. 19 Конституции РСФСР 1918 г.), в Конституции СССР 1936 г. — «почетная обязанность» (ст. 132); упоминаются «водворение социализма» и «мощная Всероссийская советская власть» (ст. 9 Конституции РСФСР 1918 г.). В Конституции РСФСР 1918 г. встречаются словосочетания «нетрудовые элементы», «иго капитала», «варварская политика буржуазной цивилизации», «твердо пойдет к социализму», «порабощение сотен миллионов», «паразитические слои общества», «залить кровью»; в Конституции СССР 1924 г. — «в целях утверждения революционной законности»; «в целях

¹⁰ Чистяков О. И. Конституция РСФСР 1918 года. Изд. 2-е, перераб. М. : Зерцало-М, 2003.

объединения революционных усилий союзных республик». В Конституции СССР 1977 г. — «справедливое распределение жилой площади», «невысокая плата за квартиру», вооруженные силы должны быть «в постоянной боевой готовности, гарантирующей немедленный отпор любому агрессору».

Эмоциональное воздействие советских конституций достигается при помощи использования прилагательных в превосходной степени: «подавляющее большинство рабочих»; выплата государственных стипендий «подавляющему большинству учащихся в высшей школе»; «глубочайшие социально-экономические преобразования», решаются «важнейшие вопросы», «преступнейшая из всех войн», «беднейшее крестьянство», «самое широкое братание с рабочими и крестьянами», измена Родине — «тягчайшее преступление».

Функцию аксиологического и эмоционального влияния на адресат текста осуществляют также используемые наречия в выражениях: «пойдет твердо по пути», «навсегда покончила с эксплуатацией человека человеком», «в корне уничтожить», «успешно ликвидировать», «неуклонно проводит ленинскую политику», «надежно защищать социалистическое Отечество» и др.¹¹

Не только юридическую, но и эмоциональную окраску можно увидеть в формулировках прав и свобод в Конституции РСФСР 1918 г. Здесь закрепляются «действительная» свобода совести, свобода собраний, свобода союзов, свобода выражения мнений, «действительный доступ к знаниям». Употребление слова «действительная» здесь подчеркивает не только юридическую гарантированность, но и усиливает эмоциональное воздействие. Конституция СССР 1936 г. провозглашает равноправие граждан независимо от их национальности и расы в качестве «непреложного закона», а «всякая проповедь расовой или национальной исключительности, или ненависти и пренебрежения — карается законом» (ст. 123); измена Родине «карается по всей строгости закона» (ст. 133).

Яркую эмоциональную составляющую имеет ст. 131 об обязанности граждан СССР беречь общественную собственность «как священную и неприкосновенную основу советского строя, как источник богатства и могущества родины, как источник зажиточной и культурной жизни всех трудящихся». В статье 61 Конституции СССР 1977 г. формулировка звучит весьма эмоционально: «долг гражданина СССР — бороться с хищениями и расточительством государственного и общественного имущества, бережно относиться к народному добру», в ст. 62 — «защита социалистического Отечества есть священный долг каждого гражданина СССР».

Итак, первой особенностью конституционной стилистики, позволяющей говорить о ней как о разновидности законодательной стилистики, является тесное переплетение в ней признаков как законодательного, так и литературно-художественного стиля, что проявляется в следующем: 1) использование в текстах конституций значительного числа не свойственных законодательному стилю общеупотребительных слов наряду со специальной юридической терминологией; 2) казуистичность, детализация формулировок — черта, которая также пресле-

¹¹ *Басенко Г. В.* Идеологическая маркированность речевого штампа в текстах Конституций России и Германии (прагмалингвистический аспект) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2011. С. 11.

дует цель доведения до сознания большинства граждан смысла и содержания конституционных норм; 3) текст конституций имеет эмоциональную окраску, он осуществляет эмоциональное воздействие при помощи использования выразительных средств языка.

Ученые характеризуют тексты конституций не только как законодательный текст. Его изучают и с позиций политической лингвистики¹². Справедливости ради отметим, что такой подход не является общепризнанным. Традиционно язык права не рассматривается в качестве языка политики¹³. Вместе с тем именно тексты конституционно-правовых актов, и в первую очередь конституций, позволяют увидеть единство целей политической и юридической коммуникации. Язык и стиль конституции тесно связаны с языком политики. Основная идея, которая их объединяет, — это идея власти. Конституция юридически оформляет существующую систему власти, дает ей юридические средства воздействия на граждан; юридически оформляет или, скорее, моделирует желательную политическую систему. Конституция имеет еще и определенную идеологическую направленность, закрепляя юридически систему взглядов на существующее общественное устройство и его дальнейшее развитие.

Конституции советского периода как акты политической коммуникации характеризуются следующими чертами.

Во-первых, с точки зрения политической лингвистики всякий политический текст должен оцениваться только в дискурсе, т.е. с учетом конкретных условий его создания и функционирования¹⁴. Как политические документы все конституции советского периода фиксируют новый этап развития, в который вступило государство. Конституция 1918 г. — это акт зарождающегося молодого государства, новой революционной власти, еще не признанной на международном уровне. Исследователи советских времен употребляли по отношению к ней такие словосочетания, как «рабочий чертёж», «план общественного строительства», «рабочий план»¹⁵. Об этом свидетельствует проспективный характер ее терминологии, наличие большого числа норм-целей («цель», «ставя своей основной задачей», «в целях», «с целью», «окончательное утверждение»).

Наличие норм-целей, синонимических рядов с эмоционально-оценочной лексикой, отмечают ученые-лингвисты, делают Конституцию 1918 г. похожей на

¹² Лоскутова К. Н. Язык права в политической лингвистике (тексты советских конституций 1918 и 1936 года) // Политическая лингвистика. 2011. № 4 (38). С. 217—222 ; Она же. Закон как отражение политической ситуации (на примере советских конституций 1918 и 1936 года) // Современная политическая лингвистика : тезисы Междунар. науч. конф. / гл. ред. А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2011. С. 174—176.

¹³ Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М. : Гнозис, 2004. 326 с. ; Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие. 4-е изд. М. : Флинта, Наука, 2012. 256 с.

¹⁴ Чудинов А. П. Указ. соч.

¹⁵ Рейснер М. А. Основы Советской Конституции: лекции, читанные М. А. Рейснером на ускоренном курсе Академии Генерального Штаба Р.-Кр. Армии в 1918/19 учебном году. М. : Изд. Акад. Генерального Штаба Рабоче-Крестьянской Красной Армии, 1920. С. 150.

программу действий, а не на закон, выполнение которого гарантирует государство¹⁶. Статья 9 закрепляет, что основной задачей, рассчитанной на настоящий переходный момент Конституции РСФСР, является установление диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства в целях уничтожения эксплуатации человека человеком и водворения социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти. Эта статья четко указывает на переходный период советской власти. М. А. Рейснер об этом писал: «Нам нужно насилие, террор вовсе не для того, чтобы подобно буржуазии на веки вечные обосновать государственную власть. Для нас это только орудие временное, которое мы считаем глубоко вредным. Недаром в советской конституции вы видите статью о том, что государственная власть установлена у нас только на переходное время, следовательно, не в целях длительного постоянного классового господства...», а в том, чтобы уничтожить классовое господство навсегда¹⁷.

Черты временного, переходного наблюдаем и в Конституции СССР 1924 г. Это документ строящегося социализма. Его задача заключалась в юридическом оформлении нового союзного государства, а существование продлилось до юридической констатации построенного социализма в сталинской Конституции СССР 1936 г. Собственно и федеративные-то отношения в ней рассматриваются как временные. Совершенно на новых принципах построены тексты Конституций СССР 1936 и 1977 гг. Так, К. Н. Лоскутова верно указывает на то, что сталинская конституция — это документ сильной, признанной на международном уровне власти. Вся терминология свидетельствует о стабильности существующей политической системы. Стабильность характеризует использование терминов «в результате», «утвердившийся».

Конституция СССР 1977 г. уже не говорит о мировой революции. СССР в ней фигурирует как составная часть мировой системы социализма (ст. 30), а внешняя политика СССР направлена на обеспечение благоприятных международных условий для построения коммунизма в СССР (ст. 28). Стабильность проявляется в словосочетаниях «общество построено», «задачи выполнены», «сложилась», «созданы».

Во-вторых, политика — это всегда власть, поэтому тексты конституций как политические документы определяют, кому эта власть принадлежит. В текстах советских конституций это также проявляется через сопоставление класса, которому власть принадлежит (рабочие, беднейшее крестьянство, трудящиеся), и класса, который подлежит уничтожению либо лишается определенных прав, — бывшие эксплуататоры, буржуазия. Конституция РСФСР 1918 г. в нескольких статьях по-разному определяет субъект власти, что иллюстрирует несовершенство юридической техники. Так, по ст. 1, вся власть в центре и на местах принадлежит советам, в ст. 7 сказано, что власть должна принадлежать целиком и исключительно трудящимся массам, а по ст. 10 — вся власть в пределах РСФСР принадлежит всему рабочему населению страны, объединенному в городских и сельских советах. Конституция 1936 г. определяет источником власти «трудящихся города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся» (ст. 3). Впервые норма о том,

¹⁶ Лоскутова К. Н. Закон как отражение политической ситуации. С. 176.

¹⁷ Рейснер М. А. Указ. соч. С. 124—127.

что «вся власть в СССР принадлежит народу», появляется в Конституции СССР 1977 г. (ст. 2).

В-третьих, используются идеологемы¹⁸, функцией которых является идеологическое воздействие на адресата, отражение определенных политических взглядов. В политической лексике советских конституций четко прослеживаются основные постулаты марксистской идеологии. Например, в советских конституциях активно используются идеологемы «буржуазия», «капитализм», «капитал», «империализм», «коммунизм», «пролетариат», «социализм», «социалистический». При этом используемые идеологемы в текстах конституций имеют либо отрицательный, либо положительный контекст, формируя соответствующую оценку у граждан. В советских конституциях сформированы, по сути, две лексические системы — положительная для сторонников марксистской идеологии и отрицательная — для ее противников. Так, идеологемы «коммунизм», «пролетариат» положительно окрашены, в то время как «капитализм», «буржуазия» имеют явно отрицательную окраску.

В Конституции СССР 1924 г. такой подход прямо выражен в разд. 1, где мы видим деление на два лагеря — «своих» и «чужих». У нас в «лагере социализма — взаимное доверие и мир, национальная свобода и равенство, мирное сожительство и братское сотрудничество народов, у них «в лагере капитализма» — национальная вражда и неравенство, колониальное рабство, шовинизм, национальное угнетение и погромы, националистические зверства и войны¹⁹. Применение такого метода оппозиции является одним из принципов формирования знаковых систем. Человек воспринимает мир через призму противоположных по своей природе явлений. Поэтому дискурс, построенный на использовании бинарных оппозиционных идеологем, напрямую связан с этой особенностью человеческого мышления. В результате конституционный текст становится понятным адресату и, что важно, доносит до него необходимые ценности и антиценности. Кроме того, идеологемы используются и с целью подчеркнуть принципиальную новизну той политической системы, которую юридически оформляют советские конституции. Особенно ярко это прослеживается в конституциях 1918 и 1924 гг., закрепивших смену монархической формы правления на Республику советов, унитарного государственного устройства — на федеративное.

В-четвертых, политическую окраску имеют понятия, характеризующие в советских конституциях различные социальные группы. Так, в Конституции РСФСР 1918 г. это «трудящиеся массы», «рабочие и крестьяне», «буржуазия», «нетрудовые элементы», «эксплуататоры», «рабочий класс». Аналогичную лексику в чуть более смягченном варианте использует и Конституция 1924 г. Но в ней уже фигурирует термин «граждане», а в Конституции СССР 1936 г. появляется категория «граждане СССР».

В целом сталинская конституция уже не оперирует такими речевыми штампами, как «нетрудовые элементы», «эксплуататоры», и не делит социальные группы советского общества на трудящихся и нетрудящихся с ущемлением в правах

¹⁸ В политической лингвистике идеологема — это слово, в значение которого входит идеологический компонент.

¹⁹ Басенко Г. В. Указ. соч. С. 10.

последних. Вместе с тем конкретные гарантии ряда прав закреплялись конституционно лишь для трудящихся (например, право на труд и на отдых, свобода собраний, слова, право на объединение) либо фиксировалась реализация права только в интересах трудящихся. Например, право на объединение должно соответствовать «интересам трудящихся» (ст. 126), право убежища предоставляется только иностранцам, «преследуемым за защиту интересов трудящихся» (ст. 129). О. И. Чистяков писал: «В Конституции РСФСР 1918 г. мы не найдем норм о неприкосновенности личности, имущества, жилища и т.п. И это не случайно. Гарантировать, например, неприкосновенность личности только для трудящихся было бы негуманно, а обеспечивать ее для буржуазии, развернувшей против нас гражданскую войну, было бы по крайней мере неразумно. Проведение в жизнь и закрепление в законе названных институтов стали возможны позже, по мере укрепления Советского государства и ослабления позиций буржуазии»²⁰.

В то же время в Конституции СССР 1936 г., констатировавшей факт уничтожения всех бывших эксплуататорских классов, в ст. 127 сказано, что «гражданам СССР обеспечивается неприкосновенность личности». В Конституции 1977 г. впервые появляется категория «советский народ», используются такие классово нейтральные слова, как «граждане СССР», «люди», «личность». В то же время Конституцию 1977 г. нельзя рассматривать как свободную от классовой сущности, как юридическую форму баланса интересов всех классов, слоев общества, этносов, политических сил, которые образуют в совокупности советский народ. В ее тексте подчеркивается, что «социальную основу СССР составляет нерушимый союз рабочих, крестьян и интеллигенции» (ст. 19), а советский народ руководствуется конкретной идеологией — идеями научного коммунизма и соблюдает верность своим революционным традициям (преамбула).

Названные признаки далеко не в полной мере характеризуют конституционный текст как элемент политического дискурса, но позволяют показать специфику конституционного стиля, сочетающего в себе признаки литературного произведения, юридического и политического документа.

²⁰ Чистяков О. И. Указ. соч.